

Шан Цзин украдкой взглянул на Хэ Цзяня и, холодно прищурившись, произнёс:

— Ты признаёшь, что те три тысячи юаней были заработаны сомнительным способом?

Хэ Цзянь поперхнулся пельменем.

Сомнительным?

Да, это был сомнительный способ. Азартные игры — опасное дело, способное разрушить семью!

Хэ Цзянь попытался объяснить:

— Если бы я сказал тебе до начала, что ты ничего не понимаешь в этой игре, ты бы мне поверил?

Шан Цзин закатил глаза.

— ...

Как можно так оскорблять?

Хотя он был самоуверенным, но утверждение о его неспособности воспринимать советы было чересчур.

— Дело не в том, что я тебе не поверил. Дело в том, что ты даже не попытался меня предупредить! Ты стоял в стороне и смотрел, как я опозорился перед всеми.

А ведь дело дошло до того, что он даже сказал: «Одолжите мне немного денег, чтобы поставить на то, что он займёт последнее место». Никакой поддержки. Почему он был так уверен, что я окажусь на 99100-м месте?

Что ж, зрители были правы. Это предательство.

Хэ Цзянь понизил голос:

— Я не издевался над тобой. Я просто хотел заработать побольше денег, чтобы тебя накормить.

Шан Цзин надул щёки:

— Если тебе не стыдно, почему ты мне об этом не рассказал? Я уже вернул деньги Цэнь Фэйнуо.

Чжуан Цин мой друг, как я мог требовать деньги назад?

Хэ Цзян тут же оклеветал Цэнь Фэйнуо:

— Он ужасный человек. Сейчас же пойду и заберу у него деньги!

Заглотив последние пельмени в три больших укуса, он встал и направился к двери.

Шан Цзин схватил его за руку:

— Забудь. Нам всё равно особо не на что тратить. Обойдёмся без этих денег.

Услышав это, Хэ Цзян остановился, вытащил из кармана три тысячи юаней и протянул их Шан Цзину:

— Это то, что я сегодня заработал. Давай не будем больше ссориться, ладно?

Передав деньги, заработанные своими руками, своей «жене», он почувствовал странное удовлетворение.

Шан Цзин посмотрел на хрустящие купюры. Картина, как Хэ Цзян собирал кукурузу в воде, сразу всплыла перед глазами. Купюры в его руках внезапно показались горячими углями, и он не решился их взять.

— Ты оставь их себе. Я... я больше ничего не потрачу. — Он опустил взгляд на свои пушистые домашние тапочки. Сегодня было холодно, а Хэ Цзян всё равно пошёл собирать кукурузу, в холодную воду.

Хэ Цзян заметил, что его "щенок" снова вернулся к тому настроению, что было во время их телефонного разговора. С облегчённым сердцем он решил продолжить играть жертву:

— Я заработал их для тебя. Теперь я могу отдохнуть?

Слово "отдохнуть" прозвучало осторожно. Он даже не осмелился упомянуть кровать.

— Ах, Д-да конечно... — Шан Цзин поспешно подбежал к кровати в своих пушистых тапочках, взбил подушку и откинул красное покрывало. — Ты сегодня спишь здесь.

Хэ Цзян посмотрел на Шан Цзина, на красное супружеское ложе и подумал, как легко можно успокоить свою "жену". А что может быть лучше, чем передать ему деньги, заработанные своими руками?

Если бы Шан Цзин действительно был моей женой... Я бы отдал ему все свои деньги.

Шан Цзин попытался постелить себе на полу, но Хэ Цзян не позволил.

— Кровать большая. Давай спать вместе. Мы ведь раньше так делали.

Шан Цзин и не возражал бы, но их снимали для телешоу. Хоть камера и выключилась, когда Хэ Цзян сел за пельмени, он всё равно чувствовал неловкость.

Он не мог избавиться от ощущения, что вся страна смотрит, как он делит кровать с Хэ Цзянем. А ведь он собирался разводиться. Это особенно неуместно.

Но Хэ Цзян, не обращая внимания на его сомнения, поднял всю постель, вместе с Шан Цзином, и опустил обратно на кровать:

— Я весь день стоял в холодной воде. Позволь мне согреться рядом с тобой. У меня ещё поясница болит. Сделаешь массаж?

Шан Цзин взглянул на его тело.

Поясница болит, но жену на руках носишь...

Он вздохнул и выкарабкался из одеяла:

— Где болит? — Он ткнул пальцем в его пресс.

Хэ Цзян вздрогнул от щекотки и засмеялся:

— Болит везде. Сделай мне массаж.

Какая же это жизнь? Работаю с рассвета до заката, а вечером обнимаю свою благоухающую "жену".

Хэ Цзян почувствовал, что готов бросить карьеру актёра и вернуться в родное село, чтобы выращивать арахис.

Тем временем Шан Цзин вспоминал фанатов Хэ Цзяня. Он видел их комментарии.

Фанаты мечтали обнять его за талию и утонуть в его мужественной энергии. В их воображении достаточно было одного объятия, чтобы вознестись на небеса.

Шан Цзин фыркнул.

Талия и пресс? Подумаешь!

<http://bllate.org/book/14558/1289684>